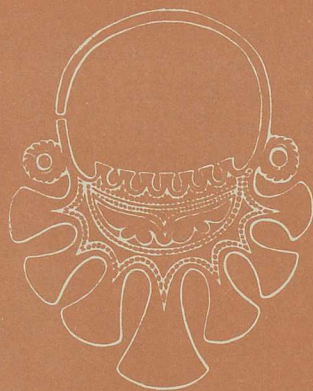

ISSN 0038 — 5034

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1992

3

Российская академия наук

I 6834

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1992 3

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Гурина Н. Н. Наскальные изображения Кольского полуострова	5
Тоцев Г. Н. Белозерский могильник Будуржель в Подунавье	19
Вивденко С. В. Об особенностях технологии бактрийской скульптуры эпохи Кушан	31
Завойкин А. А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории	40
Вагнер Г. К. К вопросу о декоре Георгиевского собора 1230—1234 г.	57
Фрумкина М. А. К вопросу о сейсмозащите древних сооружений	60

Памяти В. П. Алексеева

Амирханов Х. А. Валерий Павлович Алексеев (1929—1991)	67
---	----

Дискуссии

Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток	86
Мансфельд Г. Опыт периодизации скифских древностей	108

Публикации

Пясецкий В. К. Мустьерский культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов и некоторые вопросы стратиграфии палеолита	113
Герасименко Н. П., Колесник А. В. Археологическое и стратиграфическое изучение стоянки Белокузьминовка (Донбасс) в 1986 г.	127
Неприна В. И., Супруненко А. Б., Гавриленко И. Н. Жилище на мезолитической стоянке Посулья Вязовок 4 а	136
Каверзиева Е. Д. Шагарский могильник конца III — начала II тысячелетия до н. э. в Центральной Мещере	147
Санжаров С. Н. Каменные сверленные топоры-молотки Донбасса	160
Власкин М. В., Ильюков Л. С. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона	178
Ольховский В. С., Ложкин М. Н. К истории монументального искусства древнего населения Предкавказья	195
Рыжов С. Г. Бронзовая статуэтка Исиды из Херсонсса	206

© Отделение истории РАН, Институт археологии РАН,
Издательство «Наука»,
«Российская археология», 1992 г.

406617

Заметки

Беляева Е. В., Левковская Г. М., Харитонов В. М. Новые данные о мустьерских обитателях Губского ущелья (Прикубанье)	214
Артемьев А. Р., Гайдуков П. Г. Лук XIII в. из Новгорода	218

История науки

Бердинских В. А. Археология и кладоискательство в Вятском крае XIX века (по материалам Вятского статистического комитета)	221
Жервэ Н. Н. Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX в.	225

Критика и библиография

Буров Г. М. <i>Стоколос В. С. Древние поселения Мезенской долины. М., 1986; Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988</i>	236
Артемьев А. Р. <i>Казакавичус В. К. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988</i>	246
Трунаева Т. Н. <i>Asko Parpola. The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dasas/Studia Orientalia. V. 64. Helsinki, 1988</i>	249
Вишняцкий Л. Б., Зуев В. Ю., Колпаков Е. М., Платонова Н. И., Тункина И. В. <i>Bruce G. Trigger. A history of archaeological thought. Cambridge, 1989. XIII</i>	251
Носов Е. Н. <i>Kolchin B. A. Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Translated from the Russian. Pt. I. Text. Pt II. Illustrations/Ed. supervision Chernetsov A. V./British Archaeological Reports. International Series. 495 (I) and 495 (II). Oxford, 1989</i>	262

Хроника

Борзунов В. А., Корякова Л. Н., Федорова Н. В. Семинары по проблемам археологии раннего железного века и средневековья Зауралья и Западной Сибири (Екатеринбург, 1989, 1990)	265
Могильников В. А. Вторые Смирновские чтения (Йошкар-Ола, 1991)	268
Матюшин Г. Н. Научная конференция «Взаимодействие общества и природы: факты и концепции» (Москва, 1990)	272
Тихонов И. Л., Платонова Н. И. Научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки»	276
Цетлин Ю. Б. Совещание «Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения)» (Самара, 1991)	279
Алексеев Л. В. Юбилейная сессия в Гродненском музее (1990)	281
Лопатин Н. В., Милотина Н. Н. Конференция «Славянская археология — 1990 (к VI Международному конгрессу славянской археологии)» (Псков, 1991)	283
Праслов Н. Д. Памяти Павла Иосифовича Борисковского (1911—1991)	288
Смагулов Е. А. Памяти Сержана Мусатаевича Ахинжанова (1939—1991)	297

Еще в 1946 г. Мортимер Уиллер открыл высокие стены из обожженного кирпича, которые окружали цитадель Хараппы. Уже тогда он предложил, что этот и другие памятники Хараппы являются крепостями Даса, разрушенными арийцами. С этим можно было бы согласиться, если бы последние не были квадратными по форме. Но, считает автор, если предположить, что войны с Даса велись не в долине Инда, а в Бактрии, то проблема Даса немедленно находит свое разрешение. Ряд памятников, открытых за несколько десятилетий в Бактрии, весьма напоминают крепости Даса, описанные в Ригведе. Среди них крепость Дашлы 3 в Северном Афганистане, датирующаяся примерно II тыс. до н. э.: помимо квадратных стен она имеет три concentрических стены. Такую же форму имеет и храм в Джаркутане на севере Бактрии. Более того, два этих храма служили в качестве храмов огня, о чем свидетельствуют остатки алтарей и культовых сосудов. Чрезвычайно важным явилось открытие памятника Тоголок 21 в Маргиане. Прямоугольное здание 130 × 100 м было расценено как храм, используемый протозороастрийцами, чьи религиозные верования затем (в измененном виде) стали частью официального зороастризма (с. 236, 237). Самое значительное открытие на этом памятнике — это свидетельство раннего культа Хаома. В Ригведе указывается, что культ Сома/Хаома был принесен арийцами. Совершенно очевидно, считает автор, что в Тоголоке 21 мы имеем случай культа Хаома вторгшихся сюда арийцев и более раннее по времени место культов и культуры Даса, т. е. носителей культуры Намазга V. Свидетельством более ранних доарийских культов является находка более чем 30 миниатюрных каменных колонн, лежащих на полу. В таком же большом количестве миниатюрные колонны были найдены лишь в Годар-и-Шахе в Афганском Сейстане, отдельные находки их есть на Туренг-тепе в Гургане, в Шахдате в пустыне Лут. Вполне вероятно, что они выполняли какую-то общую для всех памятников функцию.

Храм Тоголок 21 показывает, что приход арийцев в Маргиану приходится примерно на начало периода Намазга VI, где-то около 1800 г. до н. э. Но в гимнах Ригведы есть указание на то, что арийцы Сома/Хаома не останавливаются в Бактрии и Маргиане, а продолжают двигаться в северо-западную Индию в долину Свата. Археологические данные полностью подтверждают это. Где-то около 1800 г. до н. э. в долине Свата почти полностью исчезает гончарная керамика, связанная с культурой Хараппы, и появляется красная, а затем и серая керамика. Культура этого периода в Свате (Галегай IV) весьма похожа на культуру Дашлы в Афганистане, но не идентична ей, что объясняется, видимо, разной длительностью пребывания арийских племен на этих территориях (с. 249, 250).

Следует добавить, что помимо исследования данных археологии и текста Ригведы, автор уделяет очень много внимания лингвистическим исследованиям. В частности, он рассматривает уже упомянутые выше арийские заимствования в финно-угорских языках, а также вновь ставит довольно старую уже проблему нуристанских языков и предлагает новую гипотезу их прото-западноиранского происхождения (с. 243).

Работа снабжена обширным списком литературы по данному вопросу, а также иллюстративным материалом. Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют карты и схемы, которыми автор иллюстрирует отдельные небольшие главы своей работы. Очень интересна, например, карта распространения серой и чернолощеной керамики в Индии, наглядно показывающая продвижение арийских племен в глубь континента. Безусловно, привлечет внимание исследователей и схема сложения арийской ветви индоевропейцев, где автор выделяет три хронологические ступени.

Институт археологии РАН,
Москва

Т. Н. Трунаева

Bruce G. Trigger. A history of archaeological thought. Cambridge, 1989. XIII. 500 p.

Как указано автором в предисловии к книге, она выросла из курса лекций по истории археологической теории, который он читает начиная с 1975 г. Ранее Б. Триггером был опубликован целый ряд других работ, в том числе и монографий, посвященных различным аспектам истории и теории археологии. Рецензируемую книгу отличает от предшествующих ей исследований глобальность темы и широта охвата материала: в ней делается попытка показать развитие археологической мысли

© Л. Б. Вишняцкий, В. Ю. Зуев, Е. М. Колпаков, Н. И. Платонова, И. В. Тункина, 1992 г.

в мировом масштабе на протяжении последних 200 лет, т. е. практически с момента выделения археологии как таковой и до наших дней.

Уже в предисловии Б. Триггер вкратце оговаривает собственную теоретическую позицию, заявляя, что всегда рассматривал материалистический взгляд на вещи как наиболее продуктивный. Стремясь на протяжении всей своей научной деятельности «сочетать материалистический подход с попытками объяснить разнообразие археологических материалов», он все более склонялся к историческому материализму, к которому первоначально пришел именно в результате «усилий понять прошлое», а не по политическим убеждениям. В этой связи в книге впервые упоминается имя одного из главных ее персонажей — Гордона Чайлда, чья трактовка марксистских идей в археологии во многом импонирует автору.

Вопрос об общем подходе к истории археологии, смысле и задачах таковой, лишь бегло затронутый в предисловии, специально рассматривается в первой главе. Отметив две прямо противоположные точки зрения на роль социальных факторов в формировании археологического знания, согласно одной из которых оно не более чем прямое отражение преходящих ценностей современности, а согласно другой — вообще не зависит от последних, Б. Триггер оценивает обе как крайности. В то же время он полагает, что рассматривать развитие археологической мысли вне социального контекста нельзя, что последний — непереносимое условие для понимания первого и потому анализ их соотношения в исторической перспективе должен определять основное содержание книги. Такой подход, по убеждению автора, дает возможность для оценки характера накопления знаний в археологии, их субъективности или объективности. Нужен обзор основных идей, которые оказывали влияние на интерпретацию археологических данных, а также детальный анализ социальных факторов, способствовавших формированию этих идей, и того обратного воздействия, которое археологические интерпретации имели на другие научные дисциплины и на общество. Несколько забегая вперед, отметим, что изложенная установка в целом, действительно, выдерживается в последующих главах, хотя и не всегда одинаково последовательно (ср. главы, посвященные культурно-историческому и функциональному подходам).

Далее автор задается вопросом о том, можно ли вообще говорить об истории археологической мысли как о реально существующем и притом едином процессе. На этот счет существуют различные воззрения. Одни, оперируя предложенными Т. Куном понятиями, видят процесс развития археологии как ряд научных революций, приводящих к смене парадигм. Согласно этой точке зрения, новаторы, такие, как Томсен, Монтелиус, Чайлд и Бинфорд, первыми четко осознают слабости и общую недостаточность общепринятых интерпретаций и формируют новые парадигмы, которые в значительной степени меняют направление археологических исследований. Альтернативная точка зрения отрицает существование революций в науке и основной упор делает на постепенность изменений и накопления знаний. Возможность выделения тех или иных фаз развития здесь, впрочем, признается, но подчеркивается условность характера проводимых границ. Согласно еще одной версии, рассматриваемый процесс нельзя трактовать как линейный, ибо археологические интерпретации слишком зависят от идей, приходящих из других наук, и потому могут меняться совершенно непредсказуемо, скорее в колебательной, чем в линейной манере. Наконец, некоторые вообще полагают, что о каких бы то ни было существенных изменениях в истории археологической мысли говорить не приходится, ибо все новое здесь — это хорошо забытое старое. Кроме того, существуют еще региональные различия и различия, связанные с внутридисциплинарной специализацией, что мешает осознанию и анализу истории археологии как единого, внутренне целостного процесса.

Пытаясь избежать вытекающих из всего сказанного трудностей, Б. Триггер, как он пишет, стремится рассматривать историю археологической мысли не в строго хронологическом, географическом или субдисциплинарном плане, а прежде всего как историю нескольких основных интерпретационных тенденций, придерживаясь в целом хронологической последовательности, в которой они возникли. Эти тенденции часто перекрывались во времени и пространстве и взаимодействовали. Работа многих археологов отражает не какую-то одну из них, а часто комбинацию нескольких. Тем не менее такой подход позволяет наилучшим образом представить себе и понять процесс инноваций и трансформаций в археологии.

Возвращаясь далее вновь к вопросу о связи развития археологической мысли с историей общества, с социальными условиями, Б. Триггер подчеркивает особую роль, которая, по его мнению, принадлежит здесь так называемому среднему классу. Именно его интересы во многом обусловили те конкретные формы, в которые в разные периоды воплощались археологические исследования, именно от запросов этой социальной группы часто в значительной мере зависел характер не только задаваемых в

археологии вопросов, но и предлагаемых ответов. Исследование отношений археологии с обществом должно, следовательно, фокусироваться главным образом на отношениях ее со средним классом. Целесообразно рассмотреть ее как выражение идеологии этого класса и понять, в какой мере изменения в характере археологических интерпретаций отражают изменения в его судьбе. Разумеется, следует учитывать также и множество других факторов, влиявших в разное время или постоянно на археологию. Это и открытия физиков и биологов, и рост технической и энергетической оснащённости общества, и сугубо индивидуальные обстоятельства. В целом же, повторяет автор книги, заключая ее первую главу, его исследование — это прежде всего попытка понять интеллектуальную историю главных тенденций археологической мысли в их социальном контексте.

Говоря о первой главе, следует еще упомянуть, что в нее включен раздел, названный «Археологическая интерпретация», где отмечается многоуровневость обобщений в археологии (речь идет о теориях трех уровней). Этот раздел, небезынтересный сам по себе, по нашему мнению, несколько выпадает по содержанию из контекста. Вероятно, глава, да и книга ничего бы не потеряли, исключи его автор из рукописи.

Глава 2 — «Классическая археология и антикваризм» — посвящена проблемам истоков и начала науки. Решая первую из них, автор прослеживает историю накопления познавательной информации о древностях, уходящую корнями в практику ранних человеческих обществ. В древнем мире в умах носителей мифологического сознания артефактам приписывались сверхъестественное происхождение и магическая сила. Позднее они стали цениться как источник информации о героизированном, «золотом» периоде истории (Древний Египет, Греция, Рим). Античные историки не делали попыток привести все известные им факты о древностях в какую-то систему, не сделали памятники археологии предметом специального изучения. В античной традиции сведения о них встречаются лишь в контексте землеописания различных районов Ойкумены. В раннеклассовых цивилизациях Средиземноморья и Древнем Китае историки писали ученые трактаты на основе нарративной традиции. Художественные памятники прошлого собирались лишь как любопытные безделушки или семейные реликвии.

Средневековая парадигма истории определялась христианским религиозным сознанием. Вера в дегенерацию человеческой природы и постепенное обеднение материального мира по сравнению с временами, описанными в Библии, привели к массовому разграблению памятников с целью поиска сокровищ, священных реликвий и просто строительных материалов. Средневековая наука гораздо меньше, чем античная, обращала внимание на исторические изменения в материальной культуре.

Прорыв мифологического и религиозного отношения к миру — от мифа к логосу — связан с эпохой Возрождения, способствовавшей образованию зачатков структур, приведших к становлению науки в XVII—XVIII вв. Парадигма Просвещения произвела переворот в общественной мысли, признав культурный прогресс главной чертой исторического развития человечества. Такой эволюционный взгляд на историю (от примитивных к высшим формам социальной организации общества) способствовал более адекватному восприятию дописьменных эпох.

Утверждение индуктивной методологии познания (Ф. Бэкон) принесло новые веяния в археологические исследования. Становление научного антикваризма в классической археологии связано с именем И. Винкельмана, в доисторической — с работами Лондонского и Датского королевских обществ. Автор подробно рассматривает деятельность увлеченных древностью дилетантов в Италии, Англии, Франции, Дании, прослеживает историю коллекционирования античных произведений искусства, первых раскопок с научными целями, создания первых антикварных трудов, обществ и музеев в Европе.

Члены Лондонского Королевского общества проводили точные и детальные описания находок, идентифицировали орудия труда и кости животных, пытались классифицировать во времени относительно друг друга типы памятников. Эти исследования, хотя и носили эпизодический характер, помогли обозначить направления дальнейших работ в области доисторической археологии.

Можно согласиться с тезисом автора, что антикваризм не был косным, тормозящим развитие археологии явлением, как это иногда представляют. На протяжении XV—XVIII вв. европейские антиквары научились описывать и классифицировать памятники и произведения искусства, проводить раскопки и фиксировать находки, применять различные датировки, используя стратиграфические наблюдения. Историческая ограниченность антикваризма заключается в том, что древности рассматривались лишь как иллюстрации к прошлым достижениям человечества. Ученые этого направления были убеждены, что истинное историческое знание может быть получено только при анализе

письменных источников или надежных устных традиций. Но становление доисторической археологии показало «любителям древности» путь освобождения от столь ограниченных взглядов.

В главе 3 — «Возникновение научной археологии» — Б. Триггер дает обзор главнейших достижений первобытной археологии первой половины — середины XIX в. в Европе и США. По его мнению, в развитии этой области науки сыграли роль два импульса. Первый связан с работами ученых «скандинавской школы» (Х. Томсен, С. Нильсен, Й. Ворсё и др.), второй имел место во Франции и Англии и был непосредственно связан с борьбой за утверждение эволюционистского подхода в естественных науках (Б. де Перт, Э. Лартэ, Г. де Мортилье, У. Пенгелли и др.). Автор подчеркивает, что, хотя оба эти толчка в развитии первобытной археологии нельзя рассматривать изолированно, возникли они во многом независимо. Методы и подходы ученых «скандинавской школы», основанные на опыте, накопленном антикварами XVIII в. в области классификации предметов, — в соединении с эволюционистскими идеями эпохи Просвещения — игнорировались в первой половине XIX в. почти во всех европейских странах, за исключением Швейцарии. Реальный вклад в науку основоположника этой школы Х. Томсена недооценивается до сих пор. Между тем его заслуга состояла не в том, что он механически разделил материалы Музея северных древностей в Копенгагене по трем эпохам (камя, бронзы, железа), а в создании основ типологического метода («метода сериации»), позволившего ему правильно построить относительную хронологию комплексов. Его исходное предположение заключалось в том, что находки, обнаруженные в одном погребении, кладе и т. д., одновременны. В дальнейшем путем тщательного сравнения различных их видов можно выделить типы, характерные для разных периодов. Классифицируя вещи по категориям (ножи, булавки и пр.), Томсен делил их внутри категории по материалу и форме. Выделив типы, он начинал изучать «сопутствующие предметы» и декор. Анализ формы и декора позволил ему разделить между собой бронзовые изделия эпохи бронзы и эпохи железа, отделить кремневые предметы неолитического периода от более поздних и т. д. Не остановившись на этом, он стал изучать условия находок и формы погребений. Таким образом, именно Томсеном в археологии впервые был применен взаимосвязанный анализ стиля, декора и комплекса, в котором сделана находка. Если раньше редкие попытки хронологически разделить доисторические материалы строились лишь на интуиции, Томсен придал своей работе характер научного метода.

Й. Ворсё подкрепил относительную хронологию Томсена данными стратиграфии. Широко изучив европейские археологические материалы, он убедился, что «схема трех веков» применима и за пределами Скандинавии. Ворсё сыграл большую роль в становлении комплексного междисциплинарного подхода к археологическим исследованиям. Фундаментальное шеститомное исследование о кьёккенмёддингах было выполнено им в соавторстве с геологом Й. Форнхаммером и биологом Й. Стинструпом. В целом для ученых «скандинавской школы» было характерно исключительное внимание к изменениям в природном окружении, хозяйстве, образе жизни древнего населения. Широко применялись археологические реконструкции, в частности, на основе этнографических параллелей (С. Нильсен). В процессе исследования ставились эксперименты с целью выяснить функциональное назначение вещей.

Этот опыт скандинавских ученых почти полностью игнорировался в научных кругах Англии и Франции. Здесь единственным последователем Ворсё оказался шотландец Д. Уилсон. В конечном счете единственной страной, где «скандинавский подход» был реализован полностью при исследовании озерных свайных поселений, оказалась Швейцария. Однако об этом в книге Триггера сказано белло и без особых подробностей.

Становление первобытной археологии в Англии и Франции связано с исследованиями памятников эпохи палеолита, которые развивались под прямым влиянием эволюционной геологии и палеонтологии. Главные открытия в этой области были сделаны уже после 1859 г. (т. е. после выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина). Первая периодизация палеолита во Франции основывалась исключительно на данных палеонтологии (Э. Лартэ). Г. де Мортилье уже строил свою периодизацию на археологическом материале. Однако и его подход к археологии базировался на его знаниях в области естественных наук. Периоды он выделял на основании ограниченного набора «ведущих типов», как делалось в палеонтологии. «Метод сериации» играл в создании его относительной хронологии минимальную роль. Значительно меньше внимания (по сравнению с работами «скандинавской школы») уделялось хозяйству и образу жизни древнего населения. Много ниже по уровню была полевая методика. Вещи рассматривались в первую очередь как хронологические индикаторы. Однако именно исследования французского палеолита в конечном счете заставили пересмотреть «библейскую хронологию» (на которую не посягали скандинавские ученые) и широко внедрили в

сознание людей представления о повсеместно идущем процессе эволюции в культуре. Б. Триттер отмечает, что Х. Томсен вовсе не отрицал эволюцию, но полагал, что развитие могло идти в первую очередь в даких-то очагах высокой культуры (например, на Ближнем Востоке). В Скандинавию же отмеченные культурные изменения доходили как заимствования.

Подводя итоги, Б. Триттер подчеркивает, что первоначальное развитие научной археологии связано все же с работами «скандинавской школы», выдвинувшей принципиально новый метод создания относительной хронологии из самого археологического материала. Таким образом, ее зарождение нельзя однозначно связывать с влиянием естественных наук (эволюционной геологии и биологии), которое приобрело большое значение во второй половине XIX в. для археологии палеолита.

В последнем разделе главы 3 Б. Триттер довольно подробно останавливается на развитии археологии в США до середины XIX в. При этом он, однако, замечает, что в 1780—1860 гг. эта наука здесь фактически повторяла путь, который в Европе был пройден еще в XVI—XVIII вв. Поэтому приводимые здесь данные имеют скорее узко специальный интерес для историка американской археологии.

Глава 4 — «Имперский синтез» — посвящена рассмотрению идей, появившихся в археологии в 1860—1870-х годах. В эти годы возникла тесная взаимосвязь между археологией и смежными дисциплинами. Фрагментарность археологических фактов заставила ученых США с 1840-х годов рассматривать археологию, этнологию, физическую антропологию и лингвистику как разные отрасли «антропологии» в широком смысле, которая идентифицировалась с изучением «примитивных» народов. В европейских странах тесная взаимосвязь между доисторической археологией и этнологией базировалась на представлениях об однолинейной культурной эволюции, провозглашенной философами Просвещения. Одна из главных проблем, вставшая перед культурным эволюционизмом, — объяснение, почему одни общества развиваются быстро, в то время как другие остаются статичными на тысячелетия.

В XIX в. идеи физической общности человечества, рожденные веком Просвещения, сменились романтическими взглядами нового консерватизма, идеализацией национальных и этнических особенностей. Если раньше причины различий между этносами видели во внешних факторах природной среды, то теперь их объясняли наличием невосприимчивых к изменениям биологических факторов. Вера в неравенство рас приобрела характер научной гипотезы в результате распространения дарвиновского эволюционизма. Желая сделать правдоподобным эволюционное происхождение человеческих видов, Дарвин и его единомышленники доказывали, что человеческие общества различаются в биологическом и эволюционном статусе. Дарвин полагал, что наименее цивилизованные народы по сравнению с европейцами являются неразвитыми не только биологически, но и интеллектуально, и эмоционально. Подобные суждения явились по сути биологической копией романтического национализма, на какое-то время полностью вытеснив веру в физическую общность людей разных рас.

В доисторическую археологию дарвиновская точка зрения на природу человека была привнесена Джоном Лёббоком (1834—1913). По мнению Б. Триттера, книга Лёббока «Доисторические времена» стала самым значительным исследованием по археологии в XIX в. Лёббок глубоко верил в идею однолинейной культурной эволюции. Дифференциацией естественного отбора между европейцами он объяснял наличие низших классов, биологически находящихся на более низкой ступени по отношению к преуспевающим средним и высшим классам. Критикуя гипотезы дегенерационизма и полигенизма человечества, Лёббок рассматривал культурную эволюцию как процесс, ведущий общество к счастью. По Лёббоку, наиболее примитивные народы обречены на исчезновение из-за распространения цивилизации, так как естественный отбор за тысячелетия не смог сделать их биологически способными к более сложному образу жизни. Таким образом, социал-дарвинизм перенес человеческое неравенство из политической сферы в природную, объясняя это следствием биологических различий. Доистория стала доктриной европейского превосходства.

Б. Триттер подробно рассматривает влияние идей однолинейного эволюционизма на колониальную археологию Америки, Африки, Новой Зеландии и Австралии. В 1860—1870-е годы дарвиновские объяснения расовых различий, популяризованные Лёббоком, усилили расистские взгляды ученых многих развитых стран. Они доказывали, что местные племена лишены способности развиваться на основе своей внутренней динамики. Все это задерживало развитие доисторической археологии, особенно в таких странах, как Австралия, где вообще считалось, что археология мало что может дать для изучения прошлого. Подобное положение сохранялось до тех пор, пока в Англии и Франции не приобрела силу эволюционистская археология палеолита со своим историческим взглядом на преисторию.

Б. Триттер выделяет следующие отличительные черты однолинейного эволюционизма: 1) пре-

крашение использования археологического материала в качестве исторического источника (как это было в работах Томсена и в классической археологии); 2) отсутствие ясности в вопросе о методике применения различных археолого-этнографических параллелей и частичная подмена археологии этнографией.

В главе 5, названной «Культурно-историческая археология», рассматривается формирование и развитие того подхода к изучению вещественных древностей, который во главу угла поставил выявление и описание типологически дискретных групп материала, установление и объяснение характера их упорядоченности во времени и пространстве, а также разработку самой типологии. Поскольку заострение внимания на хронологической и особенно географической неоднородности культуры характерно начиная с конца XIX в. не для одной археологии, но в целом для антропологии в западном понимании этого термина и прежде всего для этнографии, то выглядит вполне естественным, что первый раздел главы посвящен диффузионизму, бывшему в то время широко распространенным среди этнологов и оказавшему заметное воздействие на археологов. Кратко излагаются взгляды главных представителей этого течения антропологической мысли (Ратцель, Гребнер, Эллиот-Смит и др.), перечисляются их основные работы. Возможно, небесспорна постановка здесь в один ряд с Ратцелем и Гребнером Ф. Боаса, в представлениях которого диффузионизм занимал скорее подчиненное, чем определяющее место.

Семь других разделов главы освещают уже собственно археологические сюжеты. Первый из них — разработка Монтелиусом так называемого типологического метода (или метода сериации) и осуществленная им на этой основе детальная периодизация европейских материалов, начиная с неолита и до железного века включительно. Отмечая, что Монтелиус был одним из первых крупных археологов, отдавших дань диффузионистскому объяснению культурных явлений, Б. Триггер указывает, однако, что и эволюционизм продолжал оказывать немалое влияние на взгляды автора типологического метода. Второй сюжет — становление концепции археологической культуры и утверждение этого понятия в научном подходе. В числе тех, кто раньше других стал пользоваться термином «культура» для описания тех или иных комплексов археологических материалов, автор не забывает и российских археологов: В. В. Хвойко (трипольская культура) и А. А. Спицына (фатьяновская культура). Особое же внимание уделено взглядам Густава Коссины, который первым стал систематически употреблять рассматриваемое понятие при интерпретации археологических данных и использовал его для своих исторических (и этнографических) построений, а также Гордона Чайлда, в работах которого культурно-историческая проблематика играет важную, иногда ведущую роль.

Б. Триггер отмечает, что культурно-исторический подход и поныне господствует в археологии тех стран, где социально-политические условия диктуют необходимость сплочения нации, подъема национального самосознания. Под таким углом зрения в книге рассматривается вкратце развитие археологии в Китае, Японии, Мексике, Индии, Израиле, ряда других стран Азии и Африки. Затем автор переходит к описанию становления культурно-исторической археологии в Северной Америке, где она процветала до 1960-х годов. Показано, как на практике и в теории менялся подход к выделению культурных единств, охарактеризованы основные вехи этого процесса (системы Киддера и затем Гладвина, среднезападный таксономический метод Маккерра). Интересно наблюдение Б. Триггера, согласно которому в отличие от европейской археологии, где осознание географических различий в культуре накладывалось на доставшиеся в наследство еще от эволюционизма представления о различиях хронологических, в Северной Америке растущее осознание изменчивости материалов во времени дополняло предшествующее ему понимание изменчивости в пространстве. Следовательно, полагает автор, американские археологи не просто заимствовали культурно-исторический подход у европейцев, но во многом как бы изобрели его вновь. В Соединенных Штатах, пишет он, этот подход «развивался как реакция на растущее осознание сложности археологических источников» (с. 205, 206).

С последним соображением можно согласиться. Оно, однако, находится в известном противоречии с очевидной склонностью Б. Триггера объяснить распространение культурно-исторической археологии в Европе не столько внутринаучными причинами, сколько социально-политическими условиями конца XIX — начала XX в. (особ. см. с. 148—150). Конечно, необходимость национальной консолидации и как следствие этого стремление продемонстрировать преемственность современного и древнего населения той или иной страны сыграли здесь свою роль, но главным, видимо, было все же не это, а все более и более возрастающее количество материалов и осознание того, что их многообразие просто необъяснимо в рамках эволюционизма. Не случайно новые веяния затронули археологию не только сравнительно близких к историческому периоду эпох, но и палеолита, где

также стали выделять области, контрастирующие в культурном отношении. К сожалению, в книге об этом говорится лишь мельком (с. 155, 156) и даже не упоминаются имена и работы археологов, сделавших особенно много для понимания неоднородности палеолитической культуры: нет ни слова об О. Менгине, Х. Мовиусе, Ф. Борде.

Культурно-исторический подход возник и широко распространился прежде всего потому, что он был наиболее естественной реакцией на эволюционизм, ущербность которого с каждой новой найденной в древних отложениях вещью (или с каждым новым этнографическим наблюдением) становилась все более очевидной. Если эволюционизм — это тезис, то культурно-исторический подход — антитезис. Синтезом же их можно считать все дальнейшее развитие археологии и антропологии (в широком смысле).

Название главы 6 («Советская археология») не вполне соответствует ее содержанию, так как в действительности автор дает тут беглый обзор истории всей русской археологии начиная с XVI—XVII вв. Сам факт появления такой главы в монографии Б. Тритера следует отметить как отчаянный, так как в западной историографии долго наблюдалась тенденция обходить молчанием положение дел в советской науке. Б. Тритер отмечает недостаточную информированность западных коллег в данном вопросе и подчеркивает, что археология на Западе и в СССР развивалась разными путями. Отличительными чертами советской науки он считает преобладание «историко-описательной», а не «аналитико-объяснительной» модели исследования, направленность на изучение «внешних факторов», влияющих на развитие культуры (социальных, экономических, политических и т. п.), «человечно-центристский», а не «экосистемный» подход к материалу. В то же время, по его словам, советскими учеными признается значимость изучения палеоэкологии и культурной диффузии, что само по себе есть попытка расширить границы марксистского (социологического) подхода и отдать себе отчет в сложной и неоднозначной природе археологических источников. Растущий интерес к экологическому подходу, по мнению Б. Тритера, объединяет в настоящий момент всех ученых — и западных, и советских. Однако длительное пренебрежение формальной типологией сказывается на уровне археологических исследований в СССР, поскольку здесь так и остались неразработанными стандартизованные процедуры и унифицированные, общепринятые типологические схемы, способствующие установлению относительной хронологии на широких территориях. С другой стороны, внимание к вопросам культурной хронологии, исследованию процессов диффузий и миграций, возникшее в советской науке с 1950-х годов, современным западным специалистам уже кажется старомодным: Тем не менее, кратко излагая суть дискуссий, ведущихся в настоящий момент в среде советских археологов, Б. Тритер приходит к выводу, что при всем своеобразии пути, пройденного этой наукой в СССР, нет никаких оснований сбрасывать со счетов весь ее опыт и достижения под предлогом ее якобы «закостенелого марксистского схематизма».

Стремление автора к объективности изложения и резонность целого ряда его замечаний представляются несомненными. Однако языковой барьер и необходимость использовать сведения «из вторых рук» породили целый ряд недоразумений. К сожалению, одним из основных источников для написания разделов о дореволюционной археологии в России и археологии 1920—1940-х годов послужил для автора труд М. А. Миллера «Археология в СССР» [1], изобилующий массой фактических ошибок и очень спорный в части обобщений. К числу таких мелких неточностей можно отнести то, что Московское археологическое общество называется в книге Б. Тритера «Русским археологическим обществом», а Императорское Русское археологическое общество в Санкт-Петербурге — просто «Императорским». Указ 1684 г. курскому воеводе с требованием откопать и измерить кости «волота» приписан царю Федору Алексеевичу, тогда как в действительности он принадлежит Софье Алексеевне [2, с. 288]. Полевые исследования членов Одесского и Керченского кружков истории и древностей первой трети XIX в. названы работой «французских эмигрантов-археологов в Крыму», хотя это не соответствует действительности. Французом в том пестром по составу обществе был только П. А. Дюбрюкс, а тесная связь ряда одесских археологов (например, И. А. Стемпковский и И. П. Бларамберг) с Парижской академией надписей и Берлинской академией наук обуславливалась не национальной принадлежностью, а их разногласиями с учеными Санкт-Петербургской академии наук по целому ряду принципиальных вопросов [3, с. 7—11]. Далее Б. Тритер указывает, что Императорская археологическая комиссия уже с момента своего основания в 1859 г. начала выдачу открытых листов на раскопки. Тут следует уточнить, что в действительности решение об обязательности открытых листов для производства раскопок было достигнуто лишь после жарких дебатов на 30 лет позже — в 1889 г. [4, с. 302]. Утверждение, что уже с конца XIX в. в Московском и Санкт-Петербургском университетах началось преподавание археологии, по сути близко к истине, но тоже

требует уточнений. Кафедр археологии, о которых упоминает Б. Триггер, не существовало. Первобытная археология преподавалась на физико-математических факультетах (в Москве — на кафедре географии, в Санкт-Петербурге — на кафедре географии и этнографии). Подготовка в области классической археологии, тесно связанной с искусствоведением и филологией, велась на кафедрах истории искусств (здесь необходимо отметить деятельность Н. П. Кондакова в Санкт-Петербургском университете). Отдельный археологический кабинет на историко-филологическом факультете того же университета впервые был создан А. А. Спицыным в 1909 г. Там началась целенаправленная подготовка студентов в области средневековой русской археологии. На такой основе в 1922 г. в Петроградском университете было организовано археологическое отделение [5, с. 9]. Однако вплоть до начала 30-х годов в ряде ведущих русских университетов сохранялось два центра преподавания археологии. Первобытная археология продолжала преподаваться в комплексе с географией, этнографией и антропологией на «этнологических» факультетах или отделениях, хотя одновременно подготовка в этой области уже велась и на исторических факультетах.

Помимо ряда неточностей, которые легко устранить, вызывает протест вся концепция Триггера, изложенная им в таких разделах главы 6, как «Археология в период энеолита» и «Возникновение советской археологии». Эта концепция основана на тех вульгарно-социологических трактовках, которые усиленно развивались в советской науке с начала 1930-х годов и лишь в последнее время начинают опровергаться ставшими доступными архивными материалами.

К их числу принадлежит утверждение об исключительной «консервативности» русских археологов предреволюционной поры и 1920-х годов, «голом эмпиризме» в науке в этот период, ее методологической слабости и т. д. Эти тезисы, имевшие целью оправдать разгром русской археологии в 1930-х годах, были почти в первоизданном виде перенесены на Запад М. А. Миллером, об уровне теоретических представлений которого свидетельствует хотя бы его совершенно фантастическая классификация «направлений» в русской археологии. Она включает такие несопоставимые по своему значению определения, как «кладоскательское или дворянское», «курганное», «формалистическое», «вещеведческое», «эстетствующее» и, наконец, «эмпирическое». В книге Б. Триггера прямым заимствованием у М. А. Миллера является признание А. А. Спицына основоположником некоей «эмпирической школы», никогда не существовавшей в русской археологии, и отнесение к той же «школе» А. А. Миллера, который по своим научным воззрениям был ближе всего к петербургской школе палеоэтнологов. Данное направление в русской археологии (не упоминаемое Б. Триггером) опиралось на традицию классического эволюционизма, но искало ему альтернативу в представлениях о разнообразии форм развития культуры, единстве и взаимной обусловленности развития человека и окружающей среды (Ф. К. Волков, С. И. Руденко, Г. А. Бонч-Осмоловский, С. А. Теплоухов и др.). Именно учеными этой школы уже в 1920-х — начале 1930-х годов были сформулированы принципы функционально-технологического подхода к материалу, высказано представление о целостности культурных комплексов, подлежащих статистическому анализу, и поставлена проблема комплексного междисциплинарного исследования четвертичного периода. По сожалению, по причинам, не зависящим от их авторов, целый ряд обобщающих трудов либо был опубликован значительно позднее (Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Руденко), либо не опубликован вовсе (А. А. Миллер).

Другим важным течением в русской археологии до великого перелома, также не упомянутым в книге Б. Триггера, являлась московская школа палеоэтнологов, представленная учениками Д. Н. Анучина Б. С. Жуковым, Б. А. Куфтиным и др. Здесь гораздо сильнее сказывалось влияние диффузионизма, и в частности «культурно-исторической школы». Общим для обоих направлений русской первобытной археологии было исключительное внимание к культурной стратиграфии, к древнему природному окружению человека, представление о тесной взаимосвязи, «триединстве» археологии, физической антропологии и этнографии и стремление поставить археологические исследования на базу выверенных методов естественных наук. Оба эти направления были разгромлены в эпоху «перестройки» начала 1930-х годов и «рождения советской археологии». Именно тогда сформировалось представление о ней как о чисто гуманитарной, исторической дисциплине и стала интенсивно преодолевать традиционная обособленность первобытной археологии и таких отраслей, как археология Востока, классическая археология и т. д. Их структурная связь с комплексами иных, не исторических дисциплин (в частности, с естественными науками и искусствоведением) стала квалифицироваться как уклон в биологизм, эстетство и т. д. Следует отметить, что Б. Триггер констатирует «неразделенность областей» археологии, существующую в советской науке, стремление объединить все ее направления в рамках единого «исторического» подхода. По его мнению, это является одной из причин того, что в советской археологии отсутствует «теоретическая напряженность».

та поляризация мнений, которая всегда служит мощным стимулятором дальнейших исследований и лежит в основе многих предлагаемых новшеств (с. 235). Однако недостаточное знакомство с положением дел в русской археологии до 1930-х годов и недооценка ее уровня, характерная для тех источников, которыми пользовался Б. Триттер, не позволили ему правильно понять истоки такого положения.

В главе 7 Б. Триттер говорит о функционализме в западной археологии. Примечательно, что он не пытается связать это направление исследований с какими бы то ни было социально-политическими феноменами (хотя это можно было сделать). В то же время он совершенно справедливо обращает внимание на то, как и в случае с культурно-историческим подходом, здесь большое влияние на археологов оказали новые веяния в этнографии. Они рассматриваются в предпосланном собственноручно археологической части главы разделе «Развитие социальной антропологии», где речь идет в основном о французской социологической школе (Дюркгейм) и о взглядах классиков функционализма (Малиновский, Рэдклифф-Браун). Автор полагает, что функционализм, подхвачивший к культуре как к явлению во многом статичному, был хорошей альтернативой марксизму в глазах тех археологов, которых скорее интересовало то, как общество функционировало, нежели то, почему оно изменялось.

В других разделах главы вкратце охарактеризовано развитие энвайронментальной, экономической и поселенческой археологии («settlement archaeology»), причем отмечено, что первое из этих направлений зародилось раньше, чем в этнографии оформился функционализм. Особое внимание уделено дальнейшей эволюции взглядов Г. Чайлда, пришедшего к мысли, что ни диффузионизм, ни эволюционизм ничего не объясняют, если не понять, какие факторы внутри древних культур способствовали утверждению новых идей. Автор анализирует влияние марксизма на взгляды Чайлда, довольно подробно пишет об отношении последнего к теоретическим и методическим воззрениям, преобладавшим во второй четверти XX в. в советской археологии. Отдельные разделы посвящены также работам Г. Кларка и функционализму в североамериканской археологии (У. Тэйлор и др.). Не вызывает возражений заключение, где говорится, что интерес к тому, как функционировали и изменялись древние культуры, усилился вследствие неудовлетворенности односторонностью культурно-исторического подхода. Можно было бы отметить также, пожалуй, что по сравнению с этнографией в археологии функционализм имел больший крен в сторону объяснения причин изменений в культуре, что особенно проявилось в работах Чайлда. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в неозволюционизме, о котором говорится в следующей главе:

В главе 8 («Неозволюционизм и новая археология») Б. Триттер кратко останавливается на основных идеях Л. Уайта, Дж. Стюарда, М. Салинза и Е. Сэрвиса, М. Фрида, М. Харриса, Б. Меперс, содержащихся в их работах 1950—1970-х годов. Значительно подробнее он рассматривает «новую археологию», связывая ее с неозволюционизмом. Прежде всего Б. Триттер подчеркивает, что «новая археология» выросла естественным путем из работ американских археологов 1950-х годов, поэтому она и была быстро принята большинством в Америке.

Автор связывает появление «новой археологии» и с социальными причинами, в первую очередь с усилением среднего класса центральных и западных штатов США. Антиисторизм и номотетическая направленность «новой археологии» соответствуют тенденциям среднего класса высоко оценивать технологическую полезность и с подозрением относиться к чистой науке. Сциентизм «новой археологии» объясняется необходимостью повысить престиж археологии до уровня экономики, социологии и т. д. с целью получения средств на археологические исследования. Надо сказать, что результаты некоторых полевых исследований действительно удалось приложить к решению конкретных проблем сегодняшнего дня. Интерес американских археологов к теории катастроф и древним катаклизмам в 1970-е годы связан, по Б. Триттеру, с изменением настроений среднего класса, вызванным глубоким экономическим кризисом, неудачами во внешней политике и в особенности провалом во Вьетнаме.

Большое сходство между «новой» и советской археологией начала 30-х годов уже отмечалось. Обе основывались на эволюционистском подходе к изменениям культур и стремились к установлению закономерностей в этом процессе. Обе верили, что эти закономерности достаточно сильны и могут быть изучены с помощью материалистического подхода. Традиционные типологические исследования в обеих рассматривались как старомодные и соответственно выросло количество функциональных интерпретаций археологических данных.

Значительные различия между «новой археологией» и ранней советской археологией лежат в области теорий высокого уровня. «Новая археология» заключала в себе различные формы экологического и демографического детерминизма, которые помещают главные факторы, вызывающие изменения в обществе, вне самой культурной системы, и рассматривают человека как пассивную жертву внешних по отношению к нему и к обществу сил, отказывают сознанию и воле человека в

какой-либо способности вызывать культурные изменения. Напротив, диалектический материализм, по мнению Б. Триттера, не отрицая значения экологических факторов, главную причину изменений помещает внутрь общественной системы в форме борьбы между различными социальными группами за власть и богатство. Даже в наиболее механистических и эволюционистских формулировках, преваляровавших в СССР в 1930-е годы, марксизм отводил центральную роль людям, преследующим свои интересы в социальных группах, членами которых они являются.

Б. Триттер обсуждает некоторые теоретические результаты исследований «новых археологов». Опыт применения системного подхода, являющегося важнейшим элементом «новой археологии», привел многих археологов к принятию более индуктивного подхода в объяснении причинности и к пониманию того, что из-за сложности культурных систем одни и те же факторы могут приводить к разным результатам в зависимости от индивидуальных обстоятельств. Сам же системный подход служит скорее для описания, чем для объяснения культурных изменений. Исследования ранних цивилизаций, основанные на полном обследовании соответствующих регионов, показали, что ареальные выборки материала не отражают генеральную совокупность — регион. В целом стало понятно, что степень регулярности в развитии и функционировании культурных систем была сильно преувеличена «новой археологией». Ряд западноевропейских археологов убедительно показал, что конкретно-историческая интерпретация и эволюционистские обобщения вовсе не являются противоположными (а «новая археология» декларировала отказ от первых и строгую приверженность ко вторым), а наоборот, могут проводиться параллельно, взаимно обогащая друг друга.

Глава 9 («Объяснение разнообразия») посвящена идеям и подходам, появившимся позже «новой археологии». Все они в книге Б. Триттера возвращаются вокруг проблемы объяснения реального разнообразия доисторических культур, которое по ходу исследований становится все более ясным для американцев и которое не укладывается в неозволюционистские схемы. В частности, многие археологи теперь считают, что степень детерминированности культурных систем их экологической адаптацией должна доказываться эмпирически, а не задаваться априори теоретически. Сама эволюционная теория должна быть намного более сложной.

Б. Триттер отмечает быстро растущие неисторические тенденции англо-американской археологии (символическая, структурная, критическая археологии). Это движение вдохновляется современными марксистскими подходами, не ортодоксальными, а стремящимися соединить марксизм со структурализмом М. Гodelера, Е. Террера, Р. Эя и Л. Альтуссера, антипозитивизмом франкфуртской школы, парамарксизмом Ю. Хабермаса и Г. Маркузе, анархистской теорией познания П. Фейерабенда и экономическим анализом К. Мейясу. Археологические работы этого направления объединяет подчеркивание сложности способов производства, важной роли человеческого сознания в продуцировании изменений, огромного значения столкновения интересов половозрастных групп в бесклассовых обществах, неизбежности влияния идеологии на всю человеческую деятельность, включая саму науку. Марксистские археологи стремятся объяснить не только общекультурные закономерности, но и индивидуальные особенности и специфические условия, различающие конкретные случаи социальных изменений. В стремлении создать единую социальную науку марксизм, по Триттеру, отвергает различия между историей и эволюцией и между историей и наукой. Изучение истории рассматривается как научное по своей природе и включающее обобщения (устанавливающие закономерности).

Контекстуальная археология вытекает из убеждения, что необходимо исследовать все возможные аспекты археологической культуры для того, чтобы понять значение каждой ее части. Она тоже отрицает ценность неозволюционистского разрыва общего и отдельного в культурах, лежащего в основе дихотомии науки и истории. Контекстуальный подход приводит к постановке проблем междисциплинарных исследований и синтеза источников.

Далее Б. Триттер указывает, что в англо-американской археологии растет понимание того, что археология заметно отличается от этнологии и других социальных наук. Очевидно, что доисторическая археология — единственная социальная наука, которая не имеет прямого доступа к информации о человеческой деятельности в вербальной форме или через наблюдение, а в отличие от истории не имеет письменных источников. В то же время вопреки первоначальным убеждениям «новых археологов» стало ясно, что археологические источники подвергаются многочисленным трансформациям и являются неполными. Это понимание привело к разработке вопросов археологизации в работах Д. Кларка и М. Шиффера.

С этим же связана идея необходимости теорий среднего уровня Л. Бинфорда (установления закономерностей опредмечивания). Б. Триттер указывает на ряд недостатков последней, но считает ее очень полезной. Тем не менее ему представляется, что более специфические объяснения в духе

Я. Ходдера и других структуралистов могут играть важную роль и без теорий среднего уровня. В заключение раздела он пишет: «Как бы ни сложилось, но растущее понимание единства и дополнителности историзма и эволюционизма в западной археологии должно позволить археологическим объяснениям преодолеть вульгарный материализм процессуальной археологии, бесплодный идеализм исторического партикуляризма и суррогат марксизма критического и структуралистского подходов» (с. 369).

Заключительная глава книги Б. Триттера «Археология и ее социальный контекст» посвящена рассмотрению вопроса о значении истории археологии для понимания задач этой науки. Автор рассматривает здесь процедуру археологического познания в аспекте ее зависимости как от широкого социального фона, так и от субъективного фактора, которому он справедливо уделяет большое внимание.

Глава состоит из девяти частей (задачи археологии; археология — история и наука; релятивистская критика; совокупность фактов и эмпирическая генерализация; внутренний диалог; ограничения выведения выводов; достижения археологии; внешний диалог; виды на будущее). В небольшом введении Б. Триттер излагает свое научное кредо, заключающееся в том, что понимание сущности археологических исследований неотрывно от культурно-исторического контекста развития всего общества. «Археология, — заявляет он, — частично отражает современный мир и пассивно принимает участие в политической истории современности» (с. 370).

Рассмотрение механизма влияния «социального контекста» на археологическую науку Триттер начинает с анализа задач археологии в том их виде, в каком они постулированы целым рядом исследователей (Даниелом, Кларком, Шиффером, Дигеном и др.). Отмечая некоторую bipolarность в этих определениях (наука о предметных остатках материальной культуры, древних обществ — наука о человеческой деятельности), Б. Триттер справедливо полагает, что они не являются взаимоисключающими и что нет такого пути, по которому подход к археологической культуре может дать нечто самоценное без попыток интерпретации материала в направлении анализа человеческой деятельности. Главный вывод автора — «только через исследование человеческой деятельности археология связывается с другими социальными науками» (с. 372) — не подавляет в его концепции источниковедческую часть процедуры археологического познания. Б. Триттер не забывает отметить, что чем более детально археологи изучают материальные остатки, тем больше информации они имеют о деятельности древних людей.

От этого тезиса Б. Триттер переходит в своем последовательном и логичном изложении (что является несомненным достоинством всей книги) к следующей проблеме — с какой из областей социальной науки — историей или антропологией — археология более прочно связана. Отмечая, что решение этого вопроса скрывается в области идеологических представлений современного общества, автор книги демонстрирует на целом ряде примеров, как именно влияют эти представления (изменяющиеся сами во времени) на характер выводов и достижений археологической науки.

Дискуссия о том, относится ли археология к истории или к антропологии, тесно связана также, по мнению Б. Триттера, с «бесперспективными дебатами» о том, дает ли археология обобщенную, генерализованную картину истории человеческой деятельности (и в этом случае она «исторична») или же она должна давать только дискретные факты конкретных ее проявлений, дополнительно иллюстрирующих основные положения социальной антропологии. И хотя по этому вопросу археологи чисто теоретически разделяются на два лагеря (культурологов-историков и так называемых «вещеведов»), Б. Триттер не склонен присоединяться ни к одной из сторон, отмечая лишь, что на практике всегда побеждает «средина», органично вбирающая в себя рациональные моменты того и другого подхода к археологии.

Следующие разделы этой главы непосредственно посвящены анализу того, как исследователь проникает через совокупность материальных остатков в мир давно минувшей человеческой деятельности. Б. Триттер прослеживает, как на разных этапах археологической процедуры исследования вторгается в прошлое мировоззрение современного человека (так называемое «субъективное начало»), ярко окрашенное теми или иными идеологическими установками. Анализируя опыт археологической науки, ее достижения (чему и должна служить история археологических знаний), автор размышляет над проблемой неизбежности привнесения в результаты археологических исследований выводов, обусловленных современным социальным контекстом. Только изучение истории науки, считает он, способно вскрыть природу этого явления, от которого невозможно отгородиться ни изощрением научной методологии, ни декларативными заявлениями об обязательной объективной беспристрастности ученых.

В последнем разделе главы 10, озаглавленном «Виды на будущее», автор книги предается мыслям о том, как изучение прошлого при помощи археологии (науки, потенциально способной к расширению своего историко-научного базиса) способно давать материал для наблюдений за основными направлениями общекультурного и социального развития человечества. В этом смысле, как он считает, археология может даже выступать «гидом в будущее» — разумеется, не в плане конкретных предсказаний, а в плане помощи для обоснования той или иной линии развития современного мира. «Если археология действительно предназначена для этой цели, — заканчивает свою книгу Б. Триттер, — археологи тем более должны стремиться, несмотря на исключительно трудные условия получения реальной информации, рассматривать прошлое таким, каким оно было, а не таким, каким они хотят видеть его» (с. 411).

В целом, подводя итоги нашему обзору, хочется отметить, что книга Б. Триттера «История археологической мысли», безусловно, стала интересным явлением в литературе самых последних лет, посвященной проблемам теории и истории археологической науки.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургское отделение Архива РАН

Л. Б. Вишняцкий, В. Ю. Зуев,
Е. М. Коллаков, Н. И. Платонова,
И. В. Тункина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Miller M. Archaeology in the USSR. L.: Atlantic Press, 1956.
2. Замятин С. Н. Первая русская инструкция для раскопок // СА. 1950. Т. XIII.
3. Тункина И. В. Становление классической археологии в России (XVIII — середина XIX в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.; 1989.
4. Пескарева К. М., Рябинин Е. А. Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 1984. № 4.
5. Тихонов И. Л. Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936) // Вестн. ЛГУ. 1988. Сер. 2. Вып. 3.

Kolchin B. A. Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Translated from the Russian. Pt. I. Text. Pt. II. Illustrations / Ed. supervision Chernetsov A. V. // British Archaeological Reports. International Series. 495 (I) and 495 (II). Oxford, 1989. 486 p. 240 Pl.

В международной части известной серии BAR, издаваемой в Великобритании, опубликовано в двух томах исследование Б. А. Колчина «Деревянные изделия из средневекового Новгорода». Книга подготовлена к печати в Институте археологии АН СССР под наблюдением А. В. Чернецова, перевод В. М. Левиной.

Имя Б. А. Колчина, одного из руководителей Новгородской археологической экспедиции и заведующего лабораторией естественнонаучных методов ИА АН СССР, неразрывно связано с достижениями археологии Древней Руси, и прежде всего Новгорода. Б. А. Колчин явился одним из основоположников применения металлографического и дендрохронологического методов в археологии. Им была разработана археологическая хронология древнего Новгорода, опирающаяся на дендродаты и типологические находки, которая надежно служит исследователям вплоть до наших дней. Большой вклад внес Б. А. Колчин в изучение и публикацию материалов раскопок. К числу наиболее ярких его трудов относятся две книги, появившиеся в серии САИ в 1968 г. («Новгородские древности. Деревянные изделия». САИ. Вып. Е1-55. М., 1968) и в 1971 г. «Новгородские древности. Резное дерево». САИ. Вып. Е1-55. М., 1971). Они получили самую высокую оценку в нескольких рецензиях как в Советском Союзе, так и за рубежом [1, с. 289—293; 2, с. 299—303; 3, с. 630—632; 4, с. 137—139; 5, с. 125—128].

Именно эти две публикации Б. А. Колчина послужили основой для рецензируемой книги. В ней рассматриваются материалы, полученные при работах на самом большом новгородском раскопе — Неревском. Здесь за 12 полевых сезонов с 1951 по 1962 г. было встречено более 20 тыс. хорошо определимых археологических предметов из дерева. Среди них более 800 экз. украшены резьбой или иным видом орнамента. Несмотря на то что в последние годы при раскопках целого ряда

средневековых поселений и городов Европы открыты культурные слои, содержащие вещи из органических материалов, новгородская коллекция и сейчас остается наиболее крупной и разнообразной. Этим определяется ее большое научное значение для широкого круга исследователей.

Вплоть до последнего времени для читателя, не владеющего русским языком, главным источником о материалах, полученных в ходе многолетних исследований Новгорода, оставалась публикация 1967 г. М. Томпсона «Великий Новгород», которая представляет собой перевод отдельных глав и разделов из Трудов Новгородской экспедиции, изданных в 1956—1963 гг., и некоторые комментарии к ним [6]. Потребность в новых переводах на один из западноевропейских языков работ, вводящих в широкий научный оборот новгородские материалы, ощущалась постоянно. С появлением рецензируемой книги можно сказать, что такой шаг сделан. Причем это очень удачный шаг и потому, что комментарии к издаваемым деревянным предметам выполнены Б. А. Колчиным, что гарантирует точность и лаконичность описания при взвешенности реконструкций и определений, и по тому, что А. В. Чернецов не ограничился простой подготовкой переводов книг Б. А. Колчина, а дополнил издание новой информацией.

Первый том открывается очерком В. Л. Янина и Е. Н. Черных о творческом пути Б. А. Колчина, его научных идеях и книгах, его вкладе в организацию науки как одного из руководителей Новгородской экспедиции и заведующего лабораторией естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Затем приведена избранная библиография работ исследователя, насчитывающая 75 наименований (составитель П. Г. Гайдук). Важно, что наряду с русскими названиями работ дается и их перевод на английский язык. Это позволяет западному читателю, с одной стороны, легко проследить весь спектр многообразных научных интересов Б. А. Колчина, а с другой — дает объективную картину постепенного внедрения и все большего применения естественнонаучных методов в отечественной археологии.

В первой части первого тома издания содержится перевод раздела «Деревянные изделия» (с. 13—144). Предваряя конкретный анализ материала, Б. А. Колчин характеризует леса Новгородской земли, породы древесины, применяемые древними новгородцами в разных целях, деревообрабатывающий инструментарий, технологию деревообработки. Затем по главам дается детальное описание различных категорий предметов, относящихся к X—XV вв.: орудий труда (лопаты, мотыги, грабли, литейные формы и наковальни, иглы, орудия бортника и др.), посуды и емкостей (бочки, ведро, маслобойки, чаши, миски, ложки, ступы, берестяная и плетеная посуда и др.), транспортных средств (колесный, санный и водный транспорт), машин и сложных орудий труда (ткацкие и токарные станки, подъемные механизмы, подшипники, чесала, трепала и др.), домашней утвари (мутовки, совки, мебель, подсвечники и др.) и музыкальных инструментов (гусли, гудки, свирели). Б. А. Колчин определяет назначение разнообразнейших предметов и их частей, широко привлекая данные этнографии. Насколько позволяет источник, он намечает эволюцию в развитии типов предметов начиная с X в. и вплоть до позднего средневековья.

Во вторую часть первого тома включен перевод раздела «Резное дерево» (с. 145—213). Здесь рассмотрены виды древесины, шедшей в пластическую обработку, различная техника резьбы, применявшиеся инструменты. Древние новгородцы украшали очень многие вещи, окружавшие их в повседневной жизни, — игрушки и орудия труда, мебель и детали саней. Резьба по дереву являлась наиболее доступным и самым массовым народным искусством. Вместе с исследователем мы знакомимся с бытовой, архитектурной и объемной резьбой, игрушками, росписью красками, с резьбой на бересте. Б. А. Колчин убедительно подчеркивает, что технический и художественный строй бытового искусства Древней Руси был создан еще до принятия Русью христианства. В X—XI вв. оно еще было тесно связано с языческим мировоззрением и с народными обрядами и не случайно в нем сильна языческая символика. Представляется важным и вывод автора о том, что новгородский орнамент этого времени, сближаясь в некоторых случаях со скандинавскими, сохраняет свой славянский характер. К XII—XIII вв. звериный и растительный орнаменты постепенно сменяются более строгим и скупым геометрическим узором. В XIV в. искусство резьбы по дереву, как и все бытовое искусство, становится профессиональным. Ремесленник теперь изготавливает рассчитанную на массового покупателя дешевую продукцию, лишенную орнаментики, а наряду с этим высокохудожественные произведения, доступные лишь небольшой части зажиточных горожан.

А. В. Чернецов счел целесообразным поместить в приложении к первому тому книги Б. А. Колчина статью 1954 г. В. Н. Лазарева и Н. Е. Мневой, посвященную рассмотрению известного Людогощенского креста — уникального образчика новгородской резьбы по дереву [7, с. 145—166]. Крест, согласно имеющейся на нем надписи, был сделан по заказу жителей Легощей улицы Новгорода

в 1359 г. и неоднократно привлекал внимание историков русского средневекового искусства и палеографов. И хотя он происходит не из раскопок города, материалы которых привлекал Б. А. Колчин, включение в рецензируемую книгу описания креста оправданно и органично дополняет впечатляющую картину высокого уровня новгородской резьбы по дереву.

Второй том содержит 240 таблиц иллюстраций (рисунки и фотографии предметов, их реконструкции, графики распределения находок по стратиграфическим горизонтам). Он открывается планом размещения всех раскопок на территории города (вплоть до начала 1980-х годов) и общими планами Софийской и Торговой сторон, где показаны места расположения всех средневековых улиц города и церквей. Эти планы, составленные Б. А. Колчиным и В. Л. Яниным, отсутствовали в публикациях Б. А. Колчиным предметов из дерева 1968 и 1971 гг., но их включение в данное издание правильно, поскольку позволяет зарубежному читателю легче ориентироваться в археологии Новгорода. К разделу первого тома «Деревянные изделия» относятся таблицы № 4—143, к разделу «Резное дерево» — таблицы № 144—227, к статье о Людогощенском кресте — таблицы № 227—240. Обилие иллюстративного материала, безусловно, является одним из достоинств данного издания.

К сожалению, исследование Б. А. Колчина охватило материалы хотя и самого значительного, но только одного городского раскопа. За рамками и данного издания, и книг, опубликованных в СССР, осталась великолепная коллекция новгородских деревянных предметов, в том числе ряд шедевров, выполненных средневековыми ремесленниками. Достаточно взглянуть на краткие сообщения о ежегодных итогах работ Новгородской экспедиции, чтобы почувствовать ритм интенсивного накопления рассматриваемой категории археологических источников. Так, к примеру, только в одном 1986 г. найдены детали саней, богато орнаментированные плетенкой, массивные уключины, одна из которых украшена головой животного, другая расписана краской, рукоятки ковшей с изображением голов животных и птиц, наверху с головой баранов, льва и лося и т. д. [8, с. 44]. Включение А. В. Чернецовым в число иллюстраций книги чертежа детали корабля, найденной на Троицком раскопе в 1977 г. (с. 354, табл. 109), и рисунков деревянных цилиндров со знаками и надписями (с. 389, табл. 143; опубликованы В. Л. Яниным в 1982 г.) и некоторых других вещей представляет собой лишь слабую попытку как-то заполнить указанный пробел в рассматриваемом издании.

Тем не менее не будет преувеличением сказать, что появление на английском языке фундаментальной публикации новгородских изделий из дерева является событием для западноевропейских археологов и достойным памятником Б. А. Колчину. Нет сомнения, что этот материал будет активно использоваться в научных исследованиях археологов Англии, Германии, скандинавских и других стран. Интерес западноевропейских ученых к изданию проявился в публикации рецензии [9, с. 421, 422].

Подобные публикации по мере возможности надо продолжать, знакомя широкие круги зарубежной общественности с лучшими достижениями российской науки.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Е. Н. Носов

Список литературы

1. Громов Г. Г. Рец. на кн.: Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ. 1968. Вып. Е 1-55. // СА. 1969. № 4.
2. Василенко В. М. Рец. на кн.: Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ. 1968. Вып. Е 1-55; его же. Новгородские древности. Резное дерево. САИ. 1971. Вып. Е 1-55. // СА. 1973. № 2.
3. Kavan J. Рец. на кн.: Kolčín B. A. Novgorodskije drevnosti. Derevjannyje izdelija. Archeologija SSSR. Svod archeologičeskich istočnikov. Vypusk E 1-55. Moskva, 1968 // AR. 1971. T. XXIII. № 5.
4. Moravcová M. Рец. на кн.: Kolčín B. A. Novgorodskije drevnosti. Derevjannyje izdelija, Archeologija SSSR. Svod archeologičeskich istočnikov. Vypusk E 1-55. Moskva, 1968 // Národopisný věstník Československý. Brno, 1974. T. VIII—IX.
5. Lalik T. Рец. на кн.: Kolčín B. A. Novgorodskie drevnosti. Reznoe derevo. Archeologija SSSR. Svod archeologičeskich istočnikov. Vypusk E 1-55. Moskva, 1971 // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1975. № 1.
6. Novgorod the Great. Excavations at the Medieval city 1951—1962 directed by A. V. Artsikhovskiy and V. A. Kolchin. Compiled and written by M. W. Thompson. New York; Washington, 1967.
7. Лазарев В. Н., Мневя Н. Е. Памятник новгородской деревянной резьбы XIV века (Людогощенский крест) // Сообщение института истории искусств. 1954. № 4—5.
8. Янин В. Л., Гайдуков П. Г., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция // АО — 1986. М., 1988.
9. Morris C. Рец. на кн.: Kolchin B. A. Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Oxford, 1989 // Antiquity. Cambridge, 1990. June. V. 64. № 243.